

УДК 343.141

DOI: 10.17223/22253513/37/2

А.М. Баранов, П.Г. Марфицин

НОРМЫ-ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ЗАКОН И ТЕОРИЯ

Предложен критический анализ содержания норм-принципов, расположенных в гл. 2 УПК РФ. Показано, что в разных нормах речь идет о регулировании положений одного принципа – «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». Несовершенство формулировок в ст. 7 «Законность при производстве по уголовному делу», несоответствие их современным теоретическим разработкам о сущности и содержании принципа не способствуют его правильному пониманию и воплощению в правоприменение.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, нормы-принципы, принципы уголовного процесса, законность, неприкосновенность личности.

Считаем необходимым напомнить читателям о том, что принципы уголовного процесса и нормы-принципы, содержащиеся в уголовно-процессуальном праве, – категории неравнозначные, хотя теснейшим образом связанные друг с другом.

Нормы-принципы, т.е. законодательные предписания, выражающие и закрепляющие принципы права, занимают особое место среди специализированных норм уголовно-процессуального права. В то же время они не являются единственными представителями таких норм. Здесь следует отметить, что часто бывает затруднительным отличить нормы-принципы и нормы-начала, нормы, содержащие общие дозволения и запреты, нормы-дефиниции, ибо первые получают развитие и логичное выражение во вторых.

В теории права и науке уголовного процесса принято считать, что принцип – это диалектическое единство объективного и субъективного. В процессе формирования идей о том, каким быть судопроизводству, принципы составляют содержание исключительно правосознания. На этапе конструирования норм права принципы-идеи приобретают нормативно-правовой характер [1. С. 110].

Наибольшая возможность проявления субъективного начала нам видится в применении таких критериев, как общность (высокой степени) положения, достойного быть принципом, и самостоятельность его содержания. Именно здесь каждый исследователь, руководствуясь своими убеждениями, может сформировать такие виды принципов и такую их систему, которые представляются ему наиболее приемлемыми.

Несколько иную оценку данному явлению мы дадим с точки зрения законодательства и правоприменения. Значение принципов состоит в том, что они, будучи правовыми положениями высокого уровня, гарантированно обеспечивают надлежащее осуществление судопроизводства. Принципы

предопределяют основополагающие требования к рассмотрению и разрешению уголовного дела, отступление от которых не допускается. Они оказывают воздействие на процесс дальнейшего нормотворчества, определяя содержание конкретных норм. Через правосознание правоприменителей принципы направляют их деятельность в случаях неполноты правового регулирования тех или иных отношений [2. С. 16]. Принципы служат оправданными, исходными началами для истолкования текста закона. Поэтому их виды, содержание и система в законе должны быть максимально конкретными. Сделать это непросто, но необходимо.

Теперь собственно о нормах-принципах. УПК РФ содержит гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Следует отметить, что в истории развития российского уголовно-процессуального законодательства такой шаг предпринят впервые. Возможно, поэтому он получил неоднозначную оценку научной общественности. Данный подход имеет некоторые преимущества. По крайней мере мы можем констатировать, что нормы-принципы объединены законодателем в отдельную главу, а это облегчает их поиск, изучение и использование. Еще один, казалось бы, положительный момент – законодатель четко очертил круг предписаний, которые относятся к числу норм-принципов. Следовательно, иные положения, имеющие общий характер, включая общие дозволения и запреты, относятся к другим группам специализированных норм.

Однако ощущение удовлетворенности технико-юридическим приемом, использованным законодателем, быстро проходит, когда начинается анализ положений, включенных во гл. 2 УПК РФ. Совокупность норм-принципов, как нам представляется, должна зеркально отображать систему принципов уголовного судопроизводства. Последняя же обладает весьма важным свойством. «Принципы не просто суммируются в систему, они образуют ее как некое целое, которое обладает особым интегративным качеством. Только система принципов может гарантировать достижение конечных целей уголовного процесса. Именно в этом заключается ее основное качество, которым не обладает ни один из принципов, взятых в отдельности» [3. С. 140]. Вопрос о системе принципов уголовного судопроизводства является архисложным. Отсутствие единодушия в нем в первую очередь обусловлено тем субъективным фактором, о котором мы говорили выше и который позволяет каждому исследователю придерживаться собственных правил создания такой системы. Число предложенных систем принципов уголовного судопроизводства значительно. Они разнятся количественно. Однако разработчики УПК РФ не воспользовались в полной мере ни одной из многочисленных систем, закрепив в гл. 2 систему, соответствующую их собственным представлениям об уголовном судопроизводстве. Это представляется не только странным, но и некорректным.

Среди норм-принципов, отображенных в гл. 2 УПК РФ, не нашлось места многим положениям, ранее традиционно признававшимся таковыми. Более того, не получили закрепления в УПК РФ фундаментальные положения, имеющие регламентацию в иных законах, включая Конституцию РФ.

Так, одним из очевидных упущений разработчиков УПК РФ является не включение в число норм-принципов положения о равенстве всех перед законом и судом.

Серьезные возражения на страницах юридической литературы высказаны по поводу отсутствия в УПК РФ и иных положений, ранее считавшихся фундаментальными для уголовного судопроизводства и не потерявших своего значения и в наши дни. Обозначим лишь два из них, которые, по нашему мнению, заслуживают называться нормами-принципами. Это публичность (официальность) уголовного судопроизводства и всесторонность, полнота, объективность исследования всех обстоятельств дела. Аргументов как в пользу формулирования норм-принципов, регламентирующих данные положения, так и против этого высказано достаточно много [4. С. 29; 5. С. 18; 6. С. 105–106].

Ошибка составителей УПК РФ, на наш взгляд, состоит не только в том, что ими были проигнорированы отдельные положения, имеющие основополагающее значение для уголовного судопроизводства, но и в том, что они не воспользовались основными общепризнанными правилами формулирования принципов. Принципами именуется положения, обладающие высокой степенью общности. Не обнаружив этого качества в том или ином положении, нельзя сформулировать принцип, тем более систему принципов.

С учетом сказанного выше обратимся к наименованиям отдельных статей, входящих в гл. 2 УПК РФ, а, по сути, – к названиям принципов, обозначенных законодателем: «Уважение чести и достоинства личности» (ст. 9 УПК РФ), «Неприкосновенность личности» (ст. 10 УПК РФ), «Неприкосновенность жилища» (ст. 12 УПК РФ), «Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» (ст. 13 УПК РФ). Явно усматривается, что все эти положения могут быть объединены в одну группу. И название у нее в УПК РФ уже имеется: «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» (ст. 11 УПК РФ). Нам представляется, что нельзя обеспечить охрану прав и свобод человека, унижая его честь и достоинство или нарушая неприкосновенность жилища. Таким образом, правило о высокой степени общности положения, именуемого принципом, в данной ситуации может быть и должно быть использовано. Если исходить от противного, т.е. не признавать высокую степень общности положения, являющегося принципом, то можно сформулировать огромное количество фундаментальных положений судопроизводства. Так, из «уважения чести и достоинства личности» можно «получить» два принципа, из «тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» – еще больше.

Если же проанализировать содержание норм-принципов, обозначенных в ст.ст. 9–13 УПК РФ, то бессмысленность построения отдельных принципов и их системы становится еще более явной. Приведем два фрагмента. «В ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоин-

ство либо создающее опасность для его жизни и здоровья» (ч. 1 ст. 9 УПК РФ). «Лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должны содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью» (ч. 3 ст. 10 УПК РФ). Созвучие явное, но законодатель посчитал, что эти постулаты должны входить в содержание разных принципов.

Продолжим анализ содержания норм-принципов на примере ст. 10 УПК РФ, поименованной «Неприкосновенность личности». Текст ч.ч. 1 и 2 данной статьи закрепляет общее правило о том, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу без законных на то оснований. Предоставление права на ограничение свободы гражданина только суду является важнейшей (но не единственной) гарантией неприкосновенности личности. Возможность «прикосновения» к личности сводится не только к применению задержания или заключения под стражу. Такую возможность предполагает наличие государственного принуждения, применяемого в уголовном судопроизводстве. Проявления этого принуждения весьма многообразны. Кроме того, государственное принуждение принято рассматривать как физическое или психическое воздействие в отношении лица в целях обеспечения его должного поведения [7. С. 85; 8 С. 11].

Таким образом, на наш взгляд, «прикосновение» к личности возможно и при осуществлении принудительного привода, производстве личного обыска, допросе и т. д. Уголовное судопроизводство позволяет ограничивать как физическую, так и психическую неприкосновенность человека. Поэтому формулировка «неприкосновенность личности» должна указывать на недопустимость неправомерного стеснения прав и свобод человека, в том числе путем применения насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения [9. С. 3]. Последнюю фразу мы заимствовали из ст. 9 УПК РФ, где, по замыслу законодателя, отражен иной принцип – уважение чести и достоинства личности, что подчеркивает недостаточную четкость изложения норм-принципов, предложенных законодателем.

Напомним – мы не ставим под сомнение существование рассматриваемых принципов уголовного судопроизводства, мы анализируем содержание норм-принципов с точки зрения полноты и точности их изложения в УПК РФ.

Законность – понятие, знакомое каждому юристу с первого курса обучения. Представление о ней возникает при освоении общей теории права, и потом сформировавшееся знание сопровождает изучение всех отраслей права. Так происходит потому, что наибольшее распространение получило понимание законности как требования о соблюдении и исполнении законов и подзаконных актов всеми субъектами правоотношений.

Несмотря на значительные изменения в мировоззрении, теории права, законодательстве, доминирующим остается понимание законности как

универсального общеправового принципа, который получил свое нормативное закрепление в ст. 15 и других статьях Конституции РФ [10. С. 41–43].

Около тридцати лет тому назад теория права пополнилась понятием законности как правового режима в обществе, акцентируя внимание на необходимости строгого соблюдения «правовых законов», которые должны отвечать потребностям и интересам общества [11. С. 28–29].

Ныне действующее российское законодательство в нормах, посвященных принципам законности, не использует выработанную теорией дефиницию о понимании законности как всеобщего принципа. Объясняется это тем, что в настоящее время происходит поиск нового определения и толкования данного понятия. Невзирая на признаваемую всеми всеобщность, в каждой отдельной отрасли права принцип законности наполняется соответствующими специфическими свойствами, «материальным», прикладным значением, свойственным регулируемым правоотношениям.

В отраслевом законодательстве провозглашается верховенство норм соответствующего закона над иным законодательством. Нормы других законов подлежат применению при условии их непротиворечия применяемому закону или же после включения в применяемый закон для разрешения соответствующих правоотношений.

Сегодня различия в фактическом материальном наполнении понимания принципа законности в каждой из отраслей права проявляются все больше и больше. Причин тому две. Первая заключается в поиске новой доктрины понятия законности, вторая – во все большем вторжении в наше правосознание формально-нормативного толкования теории права и, как следствие этого, – замена традиционной теории законности теорией необходимости соблюдения должной законной процедуры.

Законность в широком смысле служит отражением естественно-правовых начал права. При таком подходе неизбежен вывод, что законность – это уважение к закону, его понимание, толкование и соблюдение (применение) в соответствии со складывающимися правоотношениями в конкретный период развития цивилизации. Следовательно, законность как политико-правовой режим выражается через отвечающий этому режиму уровень правосознания, правоприменительную практику и действующее законодательство. Она выступает в качестве политико-правового режима, и ее нельзя нарушить или укрепить.

Законность в узком значении (отраслевом, легистском, позитивном) есть требование соблюдения буквы и формы закона. В этом случае законность следует рассматривать как принцип права. Только при таком понимании законности для ее характеристики можно использовать термины об «укреплении», «усилении», «соблюдении» и «нарушении».

В то же время нельзя отрицать и практическую значимость подобного подхода. Именно такое «позитивное», «прикладное» понимание законности как категории реализации законодательства присуще уровню правосознания большинства правоприменителей. Именно к этому уровню понимания законности разработаны критерии и статистические показатели нарушения

последней, а также используются такие оценочные характеристики, как «низкий», «высокий», и категории – «нарушение законности», «усиление законности», «соблюдение законности» и т.п. Поэтому только на таком уровне понятие законности можно рассматривать как принцип права, причем не всеобщий, а присущий каждой конкретной отрасли в отдельности.

Еще одна традиционно обсуждаемая проблема в содержании института законности – субъекты законности. По данной проблеме существуют две точки зрения. Первая заключается в том, что субъектами законности выступают все участники правоотношений [12. С. 174; 13. С. 16; 14. С. 112; 15. С. 8–11; 16. С. 5–8]. Согласно другой – совершенные гражданами и другими лицами нарушения закона суть нарушения правопорядка в обществе, а не законности [17. С. 526–527; 18. С. 9; 19].

Профессор Н.Г. Александров, пытаясь найти компромисс между крайними точками зрения, писал, что законность в широком смысле означает требование соблюдать законы всеми субъектами права. Законность, понимаемая в узком аспекте, означает соблюдение законов именно должностными лицами государства, т.е. законность распространяется только на деятельность государственного аппарата [20. С. 105–106]. Различие позиций в вопросе, кто является субъектом законности, обуславливается различием в понимании института законности, его содержания. Если законность толковать как принцип, задачу отдельной отрасли права и даже общеправовой принцип, то тогда в качестве субъектов законности должны рассматриваться только государственные органы и должностные лица. Граждане же относятся к субъектам права, следовательно, требование законности на них не распространяется. Если же рассматривать законность как политико-правовой режим, то тогда в качестве субъектов законности выступают все участники возникающих правоотношений.

В теории уголовного процесса предпринимались попытки «приземлить» рассматриваемое понятие к деятельности по осуществлению судопроизводства. Однако они не всегда, на наш взгляд, были удачными. В частности, И.Ф. Демидов отмечает, что главное проявление принципа законности в уголовном процессе состоит в требовании, обращенном к органам расследования, прокурору и суду, все свои решения принимать при наличии достаточных оснований [3. С. 150]. Но такое понимание законности также не вносит необходимой ясности. Более детальное изучение рассматриваемых вопросов позволило предложить критерии (требования), которые свидетельствуют о законности каждого следственного и судебного акта. Так, Ю.Н. Белозеров и В.В. Рябоконт отмечали, что процессуальный акт может быть признан законным только тогда, когда отвечает следующим условиям: вынесение такого акта предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством; он вынесен компетентным органом либо лицом; он постановлен при наличии к тому условий, предусмотренных законом; его вынесению предшествовало производство необходимых процессуальных действий; он облечен в установленную законом процессуальную форму – постановление; он содержит необходимые реквизиты [21. С. 8].

Представляется, что такие требования могут быть уместными при формальной оценке законности решения правоприменителя, но они не лишены изъянов. В частности, эти условия не рассчитаны на использование следователем дискреционного поведения. Вместе с тем законодатель не имеет возможности строго формализовать ситуации, в которых действуют должностные лица, поэтому допускает возможность выбора, некую долю усмотрения. Вместе с тем должно быть принято решение, которое наиболее целесообразно в данном конкретном случае. «Таким образом, предоставленная свобода усмотрения в выборе решения ограничивается, с одной стороны, требованиями законности и обоснованности применяемых мер воздействия, а с другой стороны – их целесообразностью» [22. С. 100–101]. Что означает: «вынесение такого акта предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством», «он постановлен при наличии к тому условий, предусмотренных законом»? На наш взгляд, такие формулировки являются относительными. Должно ли присутствовать прямое предписание закона о выполнении данного акта или он может быть «выведен» из смысла, духа закона? Ответ на этот вопрос меняет многое в оценке законности правоприменительного акта.

Статья 7 УПК РФ содержит норму-принцип, названную «Законность при производстве по уголовному делу». Сущность ч.ч. 1 и 2 рассматриваемой статьи сводится к тому, что суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон или иной нормативный акт, противоречащий УПК РФ. Намерение, побудившее закрепить это положение, понятно. Оно полностью согласуется с содержанием ч. 1 ст. 1 УПК РФ и призвано обеспечить единство правоприменения, верховенство норм уголовно-процессуального права в вопросах осуществления судопроизводства. Но использовать это правило иногда весьма затруднительно или невозможно.

Например, ч. 3 ст. 56 УПК РФ устанавливает круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, поскольку являются обладателями информации, составляющей охраняемую законом тайну. Но среди них нет субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность либо участвующих в ней. Предположим, что следователь примет решение об осуществлении допроса оперуполномоченного уголовного розыска по выяснению сведений, указанных в ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Противоречия рассматриваемых положений очевидны. Разрешение данной ситуации с учетом содержания чч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ остается загадкой. Подобные случаи могут возникать при использовании в уголовном судопроизводстве и иных сведений, составляющих охраняемую законом тайну (журналистскую, нотариальную, коммерческую, банковскую и др.).

Если пойти дальше, то можно утверждать, что ч. 2 ст. 7 УПК РФ, запрещающая суду использование любого нормативного акта, не соответствующего УПК РФ, распространяет свое действие и на решения Конституционного Суда РФ. Таким образом, постановления высшего органа конституци-

онного надзора, констатирующие несоответствие Конституции Российской Федерации тех или иных положений УПК РФ, также не должны применяться?

Мы всего лишь предприняли попытку углубленного внедрения в содержание принципа законности, с тем чтобы показать всю сложность формулирования его сути, т.е. обратить внимание на то, что было проигнорировано законодателем. В том числе им оставлены без внимания достаточно значимые подходы, выработанные теорией уголовного процесса. Условием действия этого принципа является наличие в уголовно-процессуальном праве оптимального количества норм, их непротиворечивость, легитимность, систематизированность и доступность для участников уголовного процесса [23. С. 123]. Поэтому считаем возможным согласиться с мнением о том, что в ст. 7 УПК РФ внимание правоприменителя акцентировано на положениях, раскрывающих только отдельные существенные свойства данного принципа, причем отнюдь не самые важные [24. С. 44].

В завершение подчеркнем: содержание норм-принципов, их система, закрепленные в гл. 2 УПК РФ, являются несовершенными и нуждаются в корректировке в соответствии с фундаментальными теоретическими работками.

Литература

1. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества: сущность и принципы. М. : Юрид. лит., 1978. 224 с.
2. Правоохранительные органы : учеб. пособие / под ред. А.М. Баранова. Омск : Омск. Акад. МВД России, 2008. 147 с.
3. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. 638 с.
4. Петрухин И.Л. От инквизиции – к состязательности // Государство и право. 2003. № 7. С. 28–36.
5. Давлетов А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 16–18.
6. Лукашева В.З., Чичканов А.Б. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 2. С. 102–109.
7. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М. : Юрид. лит., 1985. 239 с.
8. Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17.
9. Гуляев А.П. Проблемы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения : материалы межвед. «круглого стола». М. : МосУ МВД России, 2003. С. 3–5.
10. Уголовный процесс : учебник для вузов : в 2 ч. / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. Ч. 1. 351 с.
11. Гранат Н.Л. Правовые и нравственно-психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 589 с.
12. Лазарев В.В. Теория государства и права. М. : Изд-во Акад. МВД РФ, 1992. 183 с.
13. Кобликов А.С. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М. : Юрид. лит., 1979. 200 с.
14. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М. : Наука, 1966. 252 с.

15. Гранат Н.Л. Основы обеспечения социалистической законности на предварительном следствии. М. : Акад. МВД СССР, 1988. 157 с.
16. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М. : Рос. право, 1992. 320 с.
17. Витрук Н.В. Законность (понятие, защита и обеспечение) // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. 544 с.
18. Уголовное право (Общая часть и Особенная часть) : курс лекций / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1996. 639 с.
19. Мальцев В. Принцип законности в Уголовном кодексе Российской Федерации // Уголовное право. 2003. № 1. С. 37–38.
20. Александров Н.Г. Право и законность в период строительства коммунизма. М. : Госюриздат, 1961. 271 с.
21. Белозеров Ю.Н., Рябоконт В.В. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел органами внутренних дел : учеб. пособие. М. : МССШМ, 1988. 49 с.
22. Громов Н.А., Полунин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М. : Городец, 1998. 152 с.
23. Томин В.Т. Динамика взглядов процессуалиста на понятие и систему принципов уголовного процесса // Правовая наука на рубеже XXI столетия. Омск : Омск. Акад. МВД России, 2000. 271 с.
24. Безруков С.И., Безруков С.С. Принципы уголовного судопроизводства: понятие, система и общая характеристика : учеб. пособие. Омск : Омск. Акад. МВД России, 2005. 107 с.

Baranov Alexander M., Omsk Academy of MIA of Russia (Omsk, Russian Federation), Marfitsin Pavel G., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

RULES-PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS: LAW AND THEORY

Keywords: criminal procedure, rules-principles, principles of criminal proceedings, legality, personal immunity.

DOI: 10.17223/22253513/37/2

The study aims to formulate the proposals aimed at optimizing the Chapter 2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC of RF), which enshrines the principles of criminal justice. The authors of the given article examine the content of the rules-principles, i.e. legislative regulations that express and enshrine the principles of law. It is stated that we should distinguish the rules-principles and rules-beginnings, rules containing general permissions and prohibitions and rules-definitions because of the first receive development and logical expression in the second. Attention is drawn to the fact that when discussing the nature of the court procedure we should bear in mind that principles make up the content exclusively of legal awareness. At the stage of drafting of the rules, the principles-ideas become regulatory and legal in nature.

The developers of the CPC of the RF are criticized, as they did not take advantage of the scientifically valid system of principles of the criminal proceedings. The authors ask why among the rules-principles reflected in the Chapter 2 of the CPC of the Russian Federation, there was no place for many provisions, previously traditionally recognized as such; why the fundamental provisions of the regulation in other laws, including the Constitution of the Russian Federation, were not enshrined in the CPC of the RF. Based on the analysis of the scientific literature and the provisions of the criminal procedure law, the authors conclude that one of the obvious omissions of the developers of the CPC of the RF is the non-inclusion of the provision on equality of all before the law and the court in the number of rules-principles. Objections were raised against the absence of other provisions in the CPC of the RF, previously

considered fundamental for criminal proceedings, namely, publicity (officiality) of criminal proceedings, as well as comprehensiveness, completeness, the objectivity of investigation of all the circumstances of the case. Besides, the authors concluded that the contents of separate articles of Chapter 2 of the CPC of the RF, and, in fact, such independent principles, designated by the legislators as "Respect for the honour and dignity of the individual" (Article 9 of the CPC of the RF); "Immunity of the individual" (Article 10 of the CPC of the RF); "The sanctity of the dwelling" (Article 12 of the CPC of the RF); "The secrecy of correspondence, telephone and other negotiations, postal, telegraph and other communications" (Article 13 of the CPC of the RF) can be combined into one group, in Article 11 of the CPC of the RF "Protection of human rights and freedoms in criminal proceedings".

Critical assessment is given to the content of Article 7 of the CPC of the Russian Federation, which is reduced to a formal prohibition for the court, prosecutor, investigator, investigative body and interrogator to apply federal law or other rules contrary to the CPC of the Russian Federation. The current version of Article 7 of the CPC, which enshrines the fundamental principle of legality in criminal proceedings, is inconsistent with modern theoretical views on the essence, content and meaning of the principle of legality in law.

The authors conclude that the content of the rules-principles, their system, enshrined in Chapter 2 of the CPC of the Russian Federation, are imperfect and need to be adjusted under the fundamental theoretical developments.

References

1. Yavich, L.S. (1978) *Pravo razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva: sushchnost' i printsipy* [The law of a developed socialist society: essence and principles]. Moscow: Yurid. lit.
2. Baranov, A.M. (ed.) (2008) *Pravookhranitel'nye organy* [Law Enforcement Agencies]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs.
3. Boykov, A.D. & Karpets, I.I. (eds) (1989) *Kurs sovetskogo ugovornogo protsesssa. Obshchaya chast'* [The Course of the Soviet Criminal Procedure]. Moscow: Yurid. lit.
4. Petrukhin, I.L. (2003) Ot inkvizitsii – k sostyazatel'nosti [From Inquisition to Adversariality]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 28–36.
5. Davletov, A. (2003) Problema sostyazatel'nosti reshena v UPK RF neudachno [The problem of adversariality has got an poor decision in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 8. pp. 16–18.
6. Lukasheva, V.Z. & Chichkanov, A.B. (2002) Printsip sostyazatel'nosti i ravnopraviya storon v novom UPK RF [The adversarial principle and equality of the parties in the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Pravovedenie*. 2. pp. 102–109.
7. Petrukhin, I.L. (1985) *Svoboda lichnosti i ugovorno-protssesual'noe prinuzhdenie* [Personal freedom and criminal procedure coercion]. Moscow: Yurid. lit.
8. Kaplunov, A.I. (2004) Ob osnovnykh chertakh i ponyatii gosudarstvennogo prinuzhdeniya [On the main features and concept of state coercion]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 12. pp. 10–17.
9. Gulyaev, A.P. (2003) Problemy primeniya Ugolovno-protssesual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Problems of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Novyy ugolovno-protssesual'nyy zakon: teoriya i praktika primene-niya* [New criminal and procedural law: Theory and Application]. Proc. of the Round Table. Moscow: Moscow Department of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 3–5.
10. Bulatov, B.B. & Baranov, A.M. (eds) (2017) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. 6th ed. Vol. 1. Moscow: Yurayt.
11. Granat, N.L. (1992) *Pravoye i npravstvenno-psikhologicheskie osnovy obespecheniya zakonnosti na predvaritel'nom sledstvii* [Legal, moral, and psychological foundations of ensuring the legality of the preliminary investigation]. Law Dr. Diss. Moscow.

12. Lazarev, V.V. (1992) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation.
13. Koblikov, A.S. (1979) *Zakonnost' – konstitutsionnyy printsip sovetskogo ugovornogo sudoproizvodstva* [Legality is a constitutional principle of Soviet criminal justice]. Moscow: Yurid. lit.
14. Strogovich, M.S. (1966) *Osnovnye voprosy sovetskoy sotsialisticheskoy zakonnosti* [The main questions of Soviet socialist legality]. Moscow: Nauka.
15. Granat, N.L. (1988) *Osnovy obespecheniya sotsialisticheskoy zakonnosti na predvaritel'nom sledstvii* [Fundamentals of ensuring socialist legality in the preliminary investigation]. Moscow: Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation.
16. Bonner, A.T. (1992) *Zakonnost' i spravedlivost' v pravoprimeritel'noy deyatel'nosti* [Legality and fairness in law enforcement]. Moscow: Ros. Pravo.
17. Vitruk, N.V. (1993) *Zakonnost' (ponyatie, zashchita i obespechenie)* [Legality (concept, protection and security)]. In: Babaev, V.K. (ed.) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation.
18. Ignatov, A.N. & Krasikov, Yu.A. (eds) (1996) *Ugovornoe pravo (Obshchaya chast' i Osobennaya chast')* [Criminal LAW (General and Special Parts)]. Moscow: [s.n.].
19. Maltsev, V. (2003) *Printsip zakonnosti v Ugovornom kodekse Rossiyskoy Federatsii* [Principle of legality in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugovornoe pravo*. 1. pp. 37–38.
20. Aleksandrov, N.G. (1961) *Pravo i zakonnost' v period stroitel'stva kommunizma* [Law and legality during the construction of Communism]. Moscow: Gosyurizdat.
21. Belozerov, Yu.N. & Ryabokon, V.V. (1988) *Zakonnost' i obosnovannost' vzbuzhdeniya ugovornykh del organami vnutrennikh del* [Legality and validity of initiation of criminal cases by the internal affairs bodies]. Moscow: MSSShM.
22. Gromov, N.A. & Polunin, S.A. (1998) *Sanktsii v ugovorno-protsessual'nom prave Rossii* [Sanctions in Russian Criminal Procedure Law]. Moscow: Gorodets.
23. Tomin, V.T. (2000) *Dinamika vzglyadov protsessualista na ponyatie i sistemu printsipov ugovornogo protsesssa* [Dynamics of the views of a proceduralist on the concept and system of principles of criminal procedure]. In: *Pravovaya nauka na rubezhe XXI stoletiya* [Legal Science at the turn of the 21st century]. Omsk: Omsk Academy of the the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation.
24. Bezrukov, S.I. & Bezrukov, S.S. (2005) *Printsipy ugovornogo sudoproizvodstva: ponyatie, sistema i obshchaya kharakteristika* [Principles of criminal justice: concept, system and general characteristics]. Omsk: Omsk Academy of the the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation.